

Н. Д. ЖИХАРЕВА
(Липецкий пединститут)

К ВОПРОСУ О ВЫРАЖЕНИИ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Средства выражения принадлежности рассматриваются как в общих курсах по истории русского языка и современному русскому языку, так и в специальных работах по этому вопросу.¹ Внимание исследователей привлекает соотношение притяжательных прилагательных и беспредложного родительного падежа существительных со значением принадлежности в разные периоды истории русского языка. Иногда попутно освещается дательный приименной и контаминированный способ выражения принадлежности, представляющий собой сочетание существительных в форме родительного падежа со значением принадлежности и притяжательных прилагательных. Имеются работы (Н. С. Валгиной, А. Б. Правдина и др.), посвященные отдельным средствам выражения принадлежности.² Выражению при-

¹ См. С. Я. Макарова. Выражение принадлежности в русском языке XI—XVII вв. — Канд. диссертация, М., 1952; В. К. Чернецкий. Грамматические средства выражения принадлежности в русском лит. языке конца XVIII в. — первой трети XIX в. — Канд. диссертация, Одесса, 1953 и другие. См. библиографию в «Очерках по исторической грамматике русского лит. языка XIX в. Изменение в системе словосочетаний»; изд-во «Наука», М., 1964, стр. 133—134.

² См. Н. С. Валгина. Притяжательные прилагательные в памятниках русской письменности XVI—XVII вв. — Канд. диссертация, М., 1953; А. Б. Правдин. Значение дательного падежа в древнерусском языке (XII—XVII вв.) — Канд. диссертация, М., 1954; Л. В. Капорулина. Дательный падеж при имени существительном в «Повести временных лет». — Сб. «К вопросу управления», Рига, 1957 и другие работы.

надлежности предложно-падежными конструкциями посвящена работа В. И. Собинниковой.³

Выяснено направление эволюции средств для выражения принадлежности в русском языке в разные периоды его истории, но нам неизвестны работы, рассматривающие соотношение различных средств выражения принадлежности в языке одного памятника. В данной статье на материале одного памятника рассматривается соотношение различных средств выражения принадлежности, причём большее внимание уделяется одиночному родительному, предложно-падежным конструкциям и дательному приименному.

В качестве источника исследования использован Московский летописный свод конца XV в. по Уваровскому списку⁴, не обследованный в этом плане.

Само понятие принадлежности менялось в истории русского языка. Мы имеем в виду принадлежность лицу.

В Московской летописи по Уваровскому списку для выражения принадлежности используются следующие средства: притяжательные местоимения (2554 случ.), притяжательные прилагательные (1174 случ.), беспредложный родительный падеж указательных местоимений (1697 случ.), беспредложный родительный падеж существительных (1275 случ.), дательный падеж существительных (474 случ.), родительный падеж существительных или местоимений с предлогом *у* (328 случ.), местный падеж существительных или местоимений с предлогом *на* (6 случ.), а также сочетание согласованного и несогласованного определений (126 случ.).

Управляемые и согласуемые формы в исследуемой летописи употребляются почти в равной степени (3859 управл.—3415 согл.), причём преимущественно в постпозиции к определяемому слову. Все средства, выражающие принадлежность, используются при обозначении степени родства, зависимости одного лица от другого и при существительных с конкретным значением. Употребление разнообразных форм для выражения принадлежности и взаимозаменяе-

³ В. И. Собинникова, Родительный падеж с предлогом *У* в восточнославянских языках. — «Славянский сборник», II, вып. филологический. Изд-во ВГУ, Воронеж, 1958, стр. 33—46.

⁴ Полное собрание русских летописей, т. XXV, М.-Л., 1949.

мость их свидетельствуют об общности их функций, но вместе с тем и о дифференциации их значения. Все эти средства отражают различные отношения. С одной стороны, наблюдается дифференциация функций между ними: существительные и местоимения, выражая принадлежность, каждая в отдельности выполняют свойственную им функцию. С другой стороны, местоимения в известных условиях замещают существительные, выражая значение принадлежности. В исследуемый период формы *его*, *ея*, *их* — управляемые формы родительного падежа указательных местоимений, «в которых значение принадлежности было не лексическим значением их, а синтаксическим значением род. п. как род. п. принадлежности».⁵ Это объясняется тем, что не было в XV в. единого местоимения 3-го лица, вместо него употреблялись различные замещающие субстантивы, а также тем, что в этот период широко использовались указательные атрибутивы разных корней (*сего*, *того*, *одного*, *его*), которые имеют место и в исследуемой летописи: *обличися безумие того; судом сих; видев того немилосердие*. Формы *его*, *ея*, *их* преимущественно постпозитивны, что характерно и для родительного принадлежности существительных. О том, что формы *его*, *ея*, *их* — управляемые формы родительного падежа, свидетельствует и то, что при них возможны уточнения также в форме родительного падежа, но только существительного вместе с местоимением:

но его государя своего дело 317,7⁶;

или употребление уточнения в форме дательного падежа:

к его ему государю 301,35.

Существительные в родительном падеже и притяжательные прилагательные синонимичны, но также ограничены в своем употреблении определенными условиями, которые полно освещены в работах С. Я. Макаровой, Н. С. Валгиной и др. исследователей. Наряду с одиночными субстантивированными прилагательными в родительном пад. со значением принадлежности типа сила *ратных* (отмеч. 93 случ.), встречаются и одиночные существительные с этим же значением. Они зафиксированы в 44 случаях. Наиболее употребительны формы одиночного родительного при

⁵ М. В. Федорова. Лексико-грамматические очерки по истории русских местоимений. Изд-во ВГУ, Воронеж, 1965, стр. 124.

⁶ Первое из двух чисел обозначает страницу, второе — строку.

существительных с конкретным значением (18 случ.): *мощи святителя* 295,1; *у гроба чудотворца* 272,18 и при существительных — названиях проявлений деятельности лица, его качеств, свойств (16 случ.): от насилия *Бесермень* 146,4; по повелению *Ростовецъ* 89,12; и др.

Обращает внимание тот факт, что одиночные существительные со значением принадлежности употребляются при отглагольных существительных. Возможно этому способствовал ярко выраженный характер действия в семантике отглагольных существительных, а может быть сами отглагольные существительные являются новообразованиями. Во всяком случае согласуемая форма притяжательных прилагательных, характерная для древнерусского языка, в исследуемый период имеет себе синоним в виде управляемой формы род. п. существительных со значением принадлежности, свойственной строю современного языка.

Нами отмечен одиночный родительный принадлежности не только при отглагольных существительных, но и вне этих условий: по совету *Исидора* 256,32; речи князя 42,3; твердь *братьи*, 75,34.

Одиночный родительный принадлежности, как правило, постпозитивен, и лишь в одном случае отмечен в препозиции: *истъцов* убытки 306,35—36.

В Московской летописи зафиксирован начальный этап вытеснения притяжательных прилагательных родительным падежом существительных. Родительный одиночный составляет 0,04% от числа всех беспредложных существительных в род. пад. принадлежности, тогда как, по наблюдениям В. К. Чернецкого, в памятниках конца XVII—нач. XVIII в. он составляет 12,3%. Однако в исследуемый период уже намечилось изменение закономерности в употреблении средств выражения принадлежности, которая действовала в более ранний период, об этом свидетельствует большее количество одиночных существительных в род. п. принадлежности в Московской летописи (44 случ.) в сравнении с Суздальской летописью (2 случ.).

В исследуемой летописи со значением принадлежности дательный приименной существительных (261 случ.) и местоимений (213 случ.). Наблюдается прямо противоположная закономерность в употреблении существительных и местоимений в форме дательного принадлежности: одиночных постпозитивных существительных вдвое больше, чем

препозитивных, а местоимения в дательном пад. со значением принадлежности преобладают в препозиции. Кроме того, отмечены субстантивированные прилагательные в дат. пад. со значением принадлежности: *обычей ратным* 274,41; *киоты святымъ* 300,30 — 31.

В дательном падеже со значением принадлежности употребляются существительные вместе с определениями в рече *великому князю* 274,9, причем определение может быть и несогласованным: *был бои воеводам великого князя съ Двиняны* 290,21—22; с приложением: *Ивану Фрязину Московскому денежнику брат болшей* 281, 17; является сложным наименованием: *чтобы еси, государь, нашему Великому Новгороду и нам господинъ былъ* 285б, 15-16.

Неодиночные существительные в форме дат. пад. принадлежности также чаще постпозитивны. Очень часто встречаются построения следующих типов: поставил архиепископом *Коломне (Новугороду)*; *родися Юрью сын Дмитреи*; и *бысть им бои*. Эти конструкции стабилизированы и носят книжный характер. Однако, наряду с ними находим и синонимичные им формы выражения принадлежности: поставлен на епископью *Коломенскую* митрополитом Геронтием священноинок Никита. . . 301, 20. При сличении исследуемой летописи с приложением II к Хронографу ред. 1512 г. обнаружены случаи замены дательного принадлежности притяжательными прилагательными:

В летописи: *скруши главы змиемъ* 25, 35;

в приложении: *скруши главы змиевыя*.

В Московской летописи на одной и той же 94 стр. употребляются разные средства выражения принадлежности как равнозначные:

ср: *родися великому князю Всеволоду сынъ Борис* 94,5

— *родися у великого князя Всеволода сынъ Георгий* 94,34.

Связь атрибутивного дательного сопределяемым словом имеет характер слабого управления. Значение дательного принадлежности генетически связано с дательным объектного отношения, и это в какой-то мере обнаруживается. Наблюдается воздействие на него других слов, чаще всего глаголов, что ослабляет значение принадлежности и порождает двусмысленность этой формы. Порядок следования членов предложения при этом играет известную роль: *да простит им вся съгрешения* 235,24.

В исследуемой летописи, кроме беспредложных форм со

значением принадлежности, довольно широко используется форма род. пад. существительных (179 случ.) или местоимений (149 случ.) с предлогом *У*. Значение принадлежности у родительного с предлогом *У* вторично, оно развилось на основе родительного со значением лица, в сфере влияния которого совершается действие. В свою очередь, этот родительный восходит к родительному с пространственным значением. Старое и новое значения в какой-то мере совмещаются. Именно «это отличает родительный принадлежности с предлогом *У* от беспредложного родительного принадлежности и от притяжательных прилагательных, которые передают принадлежность лицу в более абстрагированном виде»⁷.

Атрибутивный родительный принадлежности с предлогом *У* встречается почти в тех же конструкциях, что и в современном русском языке.

1. При подлежащем — прилагательном или существительном в предложении с составным именным сказуемым: рать пешаа *у него* 270, 28.

2. При дательном со значением субъекта в инфинитивном предложении: кому быти... архимандриту *у Спаса* 196, 32.

3. При втором винительном: царя *у себе* именующе Амурата 181, 29.

4. При подлежащем в предложениях с глагольным сказуемым: родися *у Ярослава* сынъ Феодоръ 116, 18.

5. В единичных случаях при прямом дополнении: Князь же великий учини игумна *у тоа церкви* выше всех соборных попов и игуменов града Москвы 323, 33.

В приложении к хронографу ред. 1512. в этом предложении предлог *у* отсутствует.

6. Особенно употребителен родительный принадлежности с предлогом *у* при имени с локативным значением, что свидетельствует о яркости пространственного значения у этой конструкции:

а) при имени в местном пад. со знач. места: *у владыкы* на дворе 310, 25—26; в монастыри *у свягаго Спаса* 62, 38.

б) при имени в твор. пад. с пространственным значением: ядоша за столом *у великого князя* 296, 19—20.

в) при винительном с пространственным значением: да

⁷ В. И. Собинова. Родительный принадлежности с предлогом *У* в восточнославянских языках, стр. 33.

у бояръ у Новгородскихъ въ отчины, въ ихъ земле нам, великимъ княземъ, не вступатися 318, 11.

Форма род. п. принадлежности с предлогом *у* иногда встречается при определяемом и не с пространственным значением: въ приятелехъ *у Всеволода* 33, 32; и бысть морь в конехъ *у вои* его 58, 28.

Так как значение принадлежности конструкции *у* + род. п. связано со значением пребывания, то в исследуемый период, как и в современном языке, наблюдаются случаи, где значение ее нечетко выражено. Ср: откупахуть ти окании Бесерменя дани *у Татар* 144, 9—10; откупаше бо *у Татаръ* дани всякие 154, 27.

В 1-м предложении удаленность этой конструкции от глагола делает более ярким значение принадлежности. Во 2-м предложении положение ее между глаголом и определяемым словом проявляется в двойственности, нечеткости ее значения. Удаленность этой конструкции от глагола способствует большей четкости ее значения: помроша бо кони *у него* 170, 30. Эта конструкция, видимо, характерна для живой устной речи. Об этом свидетельствует употребление ее в говорах.

Кроме того, в Московской летописи значение принадлежности может быть выражено формой местного падежа с предлогом *на* : и бе уже *на нем* мыта сорочка 20, 23; доспеси же *на них* чисты велми, яко сребро блистаючи 297, 37—38. Такие случаи единичны. Связь рассмотренных нами форм со значением принадлежности (дат. п. и предложнопaдежных конструкций) с определяемым словом неустойчива, что объясняется, в конечном счете, вторичностью значения принадлежности у них. Совмещение значений, свойственное этим средствам выражения принадлежности, соотносит их с другими членами предложения.

Таким образом, в русском языке XV в. были разнообразные, находящиеся в определенных взаимоотношениях, средства выражения принадлежности, которые изменились в последующие периоды.
